

УДАЧА НА ДВОИХ

РОМАН

АРМЕН МЕГРАБЯН

Армен Меграбян

Удача на двоих

«Автор»

2026

Меграбян А. Ч.

Удача на двоих / А. Ч. Меграбян — «Автор», 2026

Что, если удачу можно украсть? Грэйс Холлоуэй построила состояние, превратив интуицию в стратегию. Но однажды она просыпается в 4:17 с памятью о прикосновении мужчины — и находит на кровати чёрную карточку. Камеры потеряли одиннадцать минут. Её первый альбом исчез. Украденное платье несёт знак, который должна знать только она. Через девять дней в Токио Грэйс встречается Арэа — мужчину из своего сна. Он видит возможности до того, как они становятся реальностью, и каждый раз, меняя одну из них, теряет что-то в себе. Раскрывая сеть людей, годами покупавших и конструировавших удачу, Грэйс должна решить, что обойдётся дороже: жизнь, выбранная за неё другими, или последствия собственного выбора.

© Меграбян А. Ч., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Одиннадцать минут	6
Глава 2. Украденное платье	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Армен Меграбян

Удача на двоих

Удача на двоих

Роман

Армен Меграбян

© 2026 Армен Меграбян

Все права защищены. Ни одна часть этой книги не может быть воспроизведена без письменного разрешения автора.

Глава 1. Одиннадцать минут

В ту ночь Грэйс Холлоуэй проснулась от прикосновения к внутренней стороне бедра.

Комната была пуста. Тело отказывалось в это верить. Оно всё ещё удерживало тяжесть мужской ладони, жар дыхания у шеи и ощущение губ, остановившихся за секунду до того, как она попросила бы не останавливаться.

Грэйс лежала неподвижно и проверяла себя по частям.

Мокрая. Дрожащая. Злая.

Сердце било в рёбра так сильно, будто хотело выбраться первым. Внизу живота сводило от незавершённого удовольствия. Щёки горели, хотя в спальне работал кондиционер.

Она не хотела никого так уже много лет. Ни мужчину, чья половина кровати была холодна. Ни кого-либо вообще.

Грэйс закрыла глаза. Вернись. Глупая, унижительная просьба возникла раньше, чем она успела её остановить.

Она увидела внимательные тёмные глаза и услышала имя, произнесённое прямо ей в губы:

— Арэа.

Во сне они находились в незнакомом доме. Пахло сандалом, мокрой шерстью и горьким кофе. За высокими окнами шёл дождь. Он не спрашивал, чего она хочет. Её тело уже отвечало ему дыханием и движением навстречу.

Арэа касался медленно. Каждый раз останавливался раньше, чем удовольствие становилось полным. Не дразнил. Ждал, пока она сама перестанет притворяться, будто ей ничего не нужно.

Грэйс первой взяла его за запястье. Почувствовала под пальцами ровный пульс и положила его ладонь туда, где хотела чувствовать сильнее.

Он позволил. Не перехватил движение, не сделал его своим. Только смотрел и ждал, пока она сама притянет его ближе.

— Ещё.

Слово вырвалось хрипло, почти сердито.

Он отстранился.

— Выбери сама.

— Даже во сне мужчины решили давать мне советы?

Арэа рассмеялся. Тихо. Без красивой загадочности.

— Нет.

— Что — нет?

— Я не решу за тебя.

Потом он коснулся её снова, и удовольствие прошло сквозь тело короткой судорогой. Грэйс проснулась, прикусив губу, чтобы не произнести его имя вслух.

Теперь рядом никого не было.

Часы показывали 4:17.

За окнами Трайбека почти не двигалась. На Вест-стрит проходили редкие машины. В чёрной воде Гудзона дрожали фонари. Джулиан должен был находиться в Лондоне. Домработница ушла в шесть. Охрана не пропустила бы посетителя без звонка.

Должен был.

Грэйс потянулась к телефону и увидела на белой простыне чёрную карточку.

Кожа на руках покрылась мурашками. Не от холода. От мгновенного, животного знания: кто-то стоял возле кровати, пока она не могла проснуться.

Плотная бумага холодила пальцы. Острый край полоснул указательный палец. Грэйс дёрнула рукой. На чёрной бумаге осталась тонкая красная черта.

На лицевой стороне золотом были выдавлены две пересекающиеся окружности. Между ними образовывалась узкая миндалевидная область.

На обороте стояли адрес в Аояме, дата и время.

21:10. Через девять дней.

Ниже от руки:

«Первый эскиз был твоим. Я знаю, кто его украл».

Во рту всё ещё оставался вкус мужчины из сна. Грэйс ощутила отвращение к себе — и тут же ярость на собственное отвращение. Почему желание должно было становиться уликой против неё?

Она надела халат и проверила дверь.

Закрывается.

Балконные окна не открывались. Сигнализация работала. На панели — ни одного сбоя.

Она позвонила в службу безопасности.

— Миссис Кросс? — отозвался молодой сонный голос.

— Записи камер. Сорок первый этаж. Последний час.

— Сейчас. Одну секунду. Я... — охранник замолчал. На экране он оглянулся в поисках старшего смены и, не найдя, наклонился к клавиатуре. — Я сейчас найду. Тут ночной режим немного другой.

Он не шутил и не изображал уверенность. Просто боялся ошибиться. Пока он искал записи, Грэйс держала карточку за угол, словно она могла обжечь.

В 3:33 изображение на трёх камерах замерло.

В 3:44 продолжилось.

Одиннадцать минут.

Никто не появился в лифте. Никто не поднялся по лестнице. Никто не прошёл по коридору.

Но карточка лежала на кровати.

И тело помнило руки мужчины, которого не существовало.

В 4:39 зазвонил телефон.

Джулиан.

— Ты не спишь, — сказал он вместо приветствия.

— Теперь уже нет.

— Что случилось?

Грэйс сжала карточку. Бумага врезалась в порез на пальце, о котором она раньше не знала.

— Камеры отключались на одиннадцать минут.

Пауза была крошечной. Грэйс зарабатывала деньги тем, что замечала такие паузы.

— Вызови управляющего, — сказал Джулиан мягко. — Я с ним поговорю.

— Ты даже не спросил, зачем я смотрела камеры.

— Зачем?

Она могла сказать правду. Чёрная карточка. Мужчина. Влажное тело. Имя, которое до сих пор пульсировало между бёдер.

— Мне показалось, что кто-то входил.

— Показалось?

— На кровати лежала вещь, которой вечером не было.

Тишина.

— Какая вещь?

Грэйс слышала собственное дыхание. Слишком быстрое.

— Ты помнишь мою первую коллекцию?

— Сейчас четыре утра.

— У тебя почти девять.

— Чёрное платье? — спросил он после паузы. — С открытой спиной?

Она почувствовала облегчение. Он помнил. Потом — укол тревоги. Она не говорила, о каком платье речь.

— Сколько их было?

— Грэйс...

— Сколько эскизов?

— Много. Ты всегда рисовала. В двадцать у тебя все пальцы были в пластырях. Ты резалась о булавки и всё равно отказывалась пользоваться напёрстком.

На одну секунду он вернул ей ту кухню, мать у плиты и себя — молодую, упрямую, ещё не умеющую превращать желание в бизнес-план.

Он единственный это помнил.

— Семнадцать.

Он промолчал.

В тридцать два года Грэйс вдруг поняла, что живёт с человеком, который знал стоимость её компании до цента и не знал, сколько платьев она нарисовала до встречи с ним.

Это не должно было болеть. Болело.

— Поспи, — сказал Джулиан тем же тёплым голосом. — Я всё решу.

Это была его любимая форма любви.

Я всё решу.

Не бойся.

Не думай.

Не выбирай.

После разговора Грэйс открыла нижний ящик стола. Там хранились старые альбомы, фотографии матери и серебряный напёрсток бабушки.

Первого альбома не было.

Грэйс опустилась на пол. Не села — ноги перестали держать, и она ударилась бедром о край стола. Воздух входил короткими глотками и не доходил до лёгких. Зубы стучали. Она прижала порезанный палец к халату, но дрожь проходила через плечи, живот, колени.

Нет. Нет. Нет.

В ящике лежал бабушкин серебряный напёрсток. Грэйс зажала его в кулаке. Твёрдый. Холодный. Настоящий. Маленькая вещь из мира, где предметы не появлялись на кровати и люди не входили сквозь закрытые двери.

Она сидела так, пока дыхание не стало её собственным.

Вернувшись в спальню, Грэйс увидела карточку на простыне. Капля крови с порезанного пальца впиталась у края золотого знака.

От неё по бумаге медленно пошла тонкая линия.

Она складывалась в силуэт платья.

Её первого платья.

Того, которое никто не должен был помнить.

Глава 2. Украденное платье

К восьми утра обезболивающее перестало действовать.

Каждое движение правой рукой отдавало в ладонь горячей пульсацией. В травмпункте вынули стекло, наложили четыре шва и велели сутки не работать. Грэйс кивнула врачу тем особым лицом, которым успешные люди обещают выполнить совет, уже зная, что не выполнят.

На первом этаже пахло свежей выпечкой. Девушка за стойкой соседней кофейни подняла два пальца: двойной эспрессо?

Грэйс кивнула. Она заходила сюда четыре года и не знала имени девушки.

На стакане написали Grace и нарисовали маленькое сердце.

Грэйс посмотрела на бейдж.

— Спасибо, Лили.

Девушка удивилась, потом улыбнулась.

Кофе не стал вкуснее. Рука не перестала болеть. Но улица на несколько секунд перестала быть системой, созданной для её обслуживания.

Город — это не камни, улицы и здания.

Город — это мы вместе, те, кто в нём живёт.

Так говорила мать. В детстве Грэйс думала, что мать просто не могла позволить себе хороший район и придумала философию в оправдание тесноте.

Теперь у Грэйс был вид на Гудзон, частный лифт и кухня, которой почти никто не пользовался.

Дом — это не бетон, стекло и оплаченная ипотека.

Дом — это покой.

В собственной квартире ей было страшно закрывать глаза.

Офис Holloway Cross занимал три этажа бывшего промышленного здания на Гудзон-стрит. На ресепшене стояли три манекена в платьях новой коллекции.

Центральное платье было чёрным.

Высокий ворот. Открытая левая сторона. Две линии ткани пересекались на спине, образуя узкую миндалевидную область.

Тот же знак.

Её первый эскиз.

Бирка сообщала: NOCTURNE. Creative Director: Luca Denholm.

В ладони дёрнуло так, будто швы затянули ту же.

— Снимите его, — сказала Грэйс.

— Пресса будет в одиннадцать.

— Поэтому сейчас.

София Рид ждала её в кабинете. Обычно София говорила быстро, цифрами и глаголами. Сегодня она трижды поправила очки, хотя те не сползали.

— Восемь эскизов, — сказала она. — Точно твоих. Метаданные вычищены. Резервную копию ищу. И прежде чем ты спросишь: да, запрос пришёл сверху. Нет, имени пока нет.

— Лука?

— Лука не умеет удалить историю браузера. Не то что серверную.

Грэйс почти улыбнулась. Потом увидела на мониторе собственную линию плеча и почувствовала тошноту.

Двадцать лет назад она рисовала эти платья на полу дешёвой кухни, потому что стол шатался. Мать подогревала молоко и говорила, что чёрный цвет требует храбрости: в нём не спрячешь плохую линию.

Теперь плохой мужчина спрятал хорошую линию под своим именем.

Дверь кабинета открылась.

Джулиан вошёл без пиджака, с бумажным пакетом из Balthazar и её серым кашемировым пальто на руке.

Грэйс не успела скрыть облегчение. Вот что унижало сильнее всего: часть её всё ещё радовалась ему раньше, чем вспоминала злость.

— Ты должен быть в Лондоне.

— Перенёс встречу. — Он заметил повязку. Тепло исчезло с его лица. — Что случилось?

Он подошёл, но не схватил её руку. Никогда не хватал. Джулиан умел быть бережным именно там, где другие мужчины становились неловкими.

— Стекло.

— Ты завтракала?

— Не меняй тему.

— Я не меняю. У тебя дрожат пальцы, а кофе натошак превращает тебя в человека, с которым невозможно вести честный спор.

Он достал миндальный круассан и йогурт без сахара. То, что она ела после бессонной ночи. Помнил.

Грэйс села. Ей захотелось одновременно прижаться к нему и проверить карманы.

Джулиан посмотрел на платье, принесённое в кабинет.

— Это твоя работа, — сказал он.

Простые слова ударили сильнее отрицания.

— Тогда почему имя Луки?

Он сел напротив.

— Потому что год назад ты отказалась вернуться к дизайну. Потому что триста восемьдесят сотрудников зависят от запуска. Потому что совет не финансирует воспоминания, но финансирует коллекции. Я должен был сначала поговорить с тобой. Не поговорил. Это моя вина.

Он был прав в самом болезненном месте. Грэйс сама называла рисунки детской глупостью. Сама отдала творческое руководство. Сама выбирала рост компании всякий раз, когда можно было выбрать себя.

— Кто достал альбом из моего дома?

Джулиан не отвёл взгляда.

— Не я.

Слишком ровно. Или честно. Она не смогла решить.

— Останови презентацию.

— На сутки — да. Навсегда — нет. Ты можешь выйти к прессе и назвать себя автором. Я встану рядом. Но если ты разрушишь запуск без доказательств, пострадает не Лука. Пострадают люди, чьи имена ты знаешь хуже, чем имя девушки из кофейни.

Грэйс почувствовала стыд. Он увидел стакан с именем Lily. Конечно увидел.

Джулиан осторожно коснулся края повязки.

— Я люблю тебя, — сказал он. — Даже когда ты превращаешь боль в судебное заседание.

Она почти поверила. Не потому что была слабой. Потому что он был тёплым, внимательным и правым ровно настолько, чтобы ложь могла жить рядом с правдой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.